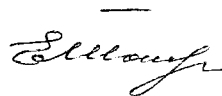

На правах рукописи

Топорова Елена Николаевна

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ В
ГОВОРАХ РУССКОГО СЕВЕРА**

Специальность 10.02.01 – русский язык.

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук.

Екатеринбург
2001

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания
Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Научный руководитель   доктор филологических наук, профессор
Рут М.Э.

Официальные оппоненты   доктор филологических наук, профессор
Гридина Т.А.
кандидат филологических наук, доцент
Лабунец Н.В.

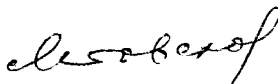
Ведущая организация   Пермский государственный университет

Защита состоится «21» марта 2001 г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета Д.212.286.03 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора филологических наук в Уральском государственном
университете им. А.М. Горького (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51,
комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского
государственного университета.

Автореферат разослан «21» февраля 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук
доцент

М.А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое исследование посвящено анализу явления лексической мотивации на материале диалектной лексики говоров Русского Севера.

Сущность мотивационных отношений в русском языке (и проявление этих отношений в структуре языка) по праву признается одной из актуальнейших проблем современной лексикологии и словообразования. В лингвистической литературе появляется большое количество работ, прямо или косвенно затрагивающих процесс изучения явления мотивации слов в различных аспектах (как теоретического, так и прикладного плана); мотивация предстает в них как сложное многоплановое явление, имеющее определенные особенности реализации на различных уровнях и в различных планах языковой системы. Проблемы возникновения и проявления мотивации, связанные с ней лексические процессы, факторы, функции и цели мотивировки (как в отдельных словах, так и в лексике в целом) рассматриваются в этих работах в самых разных ключах: ономастическом [Т.А. Гридина, И.С. Торопцев], лексикологическом [О.И. Блинова, В.Г. Гак, К.А. Левковская и др.], словообразовательном [Н.Д. Голев, Е.Г. Итэс, И.С. Улуханов, М.Н. Яценецкая и др.], синтаксическом [В.А. Мишланов, Т.А. Демешкина].

Актуальность исследования определяется тем, что оно посвящено изучению проблем мотивированности диалектного слова, осознаваемой носителем говора и эксплицируемой в показаниях его языкового сознания.

В последнее время большое внимание в рамках мотивологии уделяется изучению проблемам речевого поведения языковой личности, языкового сознания (в основе которых лежат метаязыковые рефлексии носителей языка) [О.И. Блинова, В.Д. Лютикова, А.Н. Ростова, Л.В. Сахарный, И.В. Тубалова, Е.А. Юрина]. Дополнительное развитие в рамках антропоцентричной лингвистики получает так называемый социо-возрастной аспект исследований [К.В. Гарганеева (Сотникова), Н.В. Соловьева, А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева]. Направление антропоцентричной лингвистики является первичным источником выявления мотивации слов; кроме того, оно приобретает особую актуальность и значимость в связи с тезисом о смене научной парадигмы в языкознании. Показания языкового сознания становятся общепризнанным по своей значимости источником для уточнения и более детальной разработки определенных аспектов лексикологии. А поскольку мотивированность слова базируется прежде всего именно на осознании, осмыслении носителем того или иного языка связи звучания и значения лексической единицы, на ассоциативных отношениях, связывающих эту лексическую единицу с другими, то значение показания языкового сознания для выявления мотивированности слов можно признать бесспорным и очевидным.

Дополнительную актуальность работе придает тот факт, что материалом исследования избрана диалектная лексика. Говоры можно назвать своеобразной «кладовой», которая предоставляет богатые запасы лексического материала для изучения явления мотивации. Этому способствует тот факт, что процент мотивированных лексических единиц в словарном составе диалектов русского языка в значительной мере преобладает над процентом немотивированных, о чем свидетельствуют подсчеты, проведенные О.И. Блиновой и Е.И. Жериной. Основополагающую роль, повышающую значимость функционирования в говоре мотивированной лексики, играет тот фактор, что естественная форма бытования диалекта не имеет письменной фиксации. Исследователи не раз ука-

зывали, что из-за устной формы бытования диалектного языка возникает необходимость фиксации всего лексикона в сознании носителей диалекта, а слова мотивированные усваиваются и запоминаются легче, нежели немотивированные, человеческая память сохраняет их дольше и лучше.

Научная новизна работы. Впервые комплексному мотивологическому анализу подвергнута диалектная лексика Русского Севера.

Специфика проявления мотивации в диалекте детально и широко изучается томскими мотивологами под руководством О.И. Блиновой на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Однако обширность находящегося в нашем распоряжении материала дает возможность дальнейшего изучения означенной проблемы и оставляет место для новых наблюдений и последующих выводов. Диалектная лексика ~~Европейского Севера~~ **Русского Севера** России для исследователей русского языка является уникальной лингвистической лабораторией, в которой ставятся и решаются различные проблемы истории русского языка, исторической лексикологии, диалектологии, ареальной лингвистики, контактологии, общего языкознания. Этому способствуют архаичность и богатство лексических фактов, их разнообразие, а также этническая специфика региона. Уникальность говоров Русского Севера заключается не только в малой степени их изученности, но и в том, что они относятся к так называемой «материнской» группе говоров.

Объект исследования – явление лексической мотивации слов в его лексикологическом аспекте.

Материал исследования составляют лексические единицы говоров Русского Севера, обладающие лексической мотивированностью, а также текстовые фрагменты, отражающие языковые рефлексии носителей говоров. Всего в круг исследования включено около 2000 мотивационных контекстов. Записи иллюстративного лексического материала передаются в упрощенной транскрипции, отображающей особенности живой устной речи информантов-диалектоносителей.

Источником материала диссертационного сочинения послужила картотека «Словаря говоров Русского Севера» (далее – КСГРС), составляемого коллективом кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета им. А.М. Горького. Картотека содержит полевые записи топонимической экспедиции Уральского университета, проводившей комплексный фронтальный сбор лексики и топонимии по всей территории Русского Севера в период 60–90 гг.

Помимо материалов картотеки в качестве вспомогательных источников для получения необходимой дополнительной информации о происхождении или семантике исследуемых диалектных лексических единиц используются данные этимологического словаря русского языка М. Фасмера, а также таких словарей, как «Словарь русского языка» в 4-х томах, «Словарь русских народных говоров», «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля

Цель исследования – определить роль и специфику явления лексической мотивации слов и связанных с ним процессов в речи носителей говоров Русского Севера.

Поставленная цель требует решения таких **задач**, как исследование особенностей проявления лексической мотивации в речи диалектоносителей указанного региона в номинативном, динамическом и функциональном аспектах.

Методы исследования. В качестве основного метода исследования использован метод научного описания, в рамках которого были применены следующие приемы: прием

сплошной выборки (при сборе материала), приемы наблюдения и сравнения (при описании материала). Указанные методы и приемы находятся в соответствии с выделенными О.И. Блиновой принципами мотивологического исследования: принципами лексикентризма, текстоцентризма, антропоцентризма, системности и синхронности.

Теоретическая значимость работы. Расширение диапазона рассматриваемого в мотивологическом аспекте диалектного материала позволяет уточнить и подтвердить основные положения теории мотивации.

Практическая значимость работы. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при чтении спецкурсов и спецсеминаров, посвященных изучению проблем мотивации и проведению исследований в области русской диалектологии. Кроме того, проведенные наблюдения над лексическим материалом могут быть полезны при создании словарей, в частности диалектных и мотивационных.

Апробация работы. Материалы и основные выводы работы были представлены в докладах на научных конференциях, посвященных итогам научного года, проводимых кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского университета, а также на региональных научных конференциях (Екатеринбург, 1996, 1997) и на Втором всероссийском совещании по проблемам диалектной этимологии (Екатеринбург, 1996).

Структура работы. Диссертационное сочинение состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений, включающих список использованной литературы и список условных сокращений. Общий объем диссертации 192 с., из них основной текст – 160 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяется объект исследования, даются обоснования актуальности темы и ее научной новизны, указываются цели и задачи исследования, источники анализируемого материала, теоретическая значимость и возможности практического применения результатов работы. Указаны методы и приемы работы, а также ее структура.

Первая глава работы – «Мотивация слов как языковое явление» – посвящена теоретическим вопросам разработки теории мотивации и изучению проблем мотивологии и состоит из пяти разделов.

Раздел 1 содержит краткий обзор аспектов и направлений, касающихся проблемы мотивации. Круг дискутируемых проблем, связанных с самой сущностью явления мотивированности слова, со спецификой форм существования этого феномена, чрезвычайно широк. К их числу едва ли не в первую очередь относится «краеугольная» проблема: обязательна ли мотивированность для успешного функционирования слова в языке, или же она, по образному выражению Н.Д. Голева, подобна лесам, «нужным лишь для строительства дома, но далее для него лишним», и истощает себя актом создания слова, в дальнейшем только мешая при его употреблении и потому быстро забываясь. Предметом пристального рассмотрения и пристрастного обсуждения становятся самые разные вопросы; такие, к примеру, как вопрос о направлении мотивации [Т.А. Демешкина], о типах мотивационных классов слов [Л.А. Араева], о типологии мотивировочных признаков [В.А. Губанова, О.П. Сологуб], о различиях между мотивацией «искусственной» и «естественной» [З.И. Комарова] и т. д.

В качестве своеобразного показателя сложности и противоречивости явления мотивации выступает отмечаемое исследователями множество пересекающихся по своему

содержанию и употреблению терминов, используемых при описании этого явления, и вызывающих дополнительные дискуссии.

В *разделе 2* рассматриваются основные типы мотивированности и мотивации. В соответствии с предметом той науки, в рамках которой происходит изучение явления мотивации, эти типы различны. К примеру, при изучении мотивации в лексикологическом аспекте традиционно различаются следующие типы мотивированности слов, зависящие от способа, степени и вида мотивировки: абсолютная и относительная (или «внешняя» и «внутренняя»), полная и частичная, лексическая и структурная [ОИ Блинова, В.Г. Гака]. Мотивация, в свою очередь, при лексикологическом подходе подразделяется на лексическую и структурную, однонаправленную и разнонаправленную, текстовую и метатекстовую, мономотивацию и полимотивацию [ОИ Блинова]. В зависимости от степени мотивированности все слова делятся на три категории: мотивированные, полумотивированные и немотивированные [ОИ Блинова]. При этом исследователями высказываются самые разные суждения по поводу вопроса, какие именно лексические единицы языка следует считать мотивированными [Ср. точки зрения Р.А. Будагова, В.Г. Гака, Л.Г. Зубковой, К.А. Левковской, В.А. Мишланова, А.Н. Тихонова, И.С. Торопцева и др.].

Раздел 3 посвящен одному из основополагающих научных понятий в теории мотивации – понятию внутренней формы слова.

Излагаются различные трактовки внутренней формы слова, диктуемые философским, общим, универсальным пониманием предмета и направляющие внимание исследователей на изучение этого явления в разных, иногда в прямо противоположных аспектах. Рассматриваются компоненты внутренней формы слова – *мотивационное значение* и *мотивационная форма*, вычленяемые вследствие подхода к явлению как к способу морфо-семантической организации лексического значения слова [ОИ Блинова]. Проводится сравнительный анализ мотивационного и прочих значений слова – лексического, словообразовательного, грамматического.

Раздел 4 посвящен рассмотрению связанных с явлением мотивации лексических процессов, отражающих диалектическую взаимосвязанность имеющихся тенденций к мотивированности и немотивированности.

В качестве «выразителей» тенденции к мотивированности языкового знака выступают такие лексические процессы, как процесс ремотивации, процесс немотивации, процесс номинации (если он базируется на исконных средствах языка); тенденция к немотивированности (произвольности) языкового знака проявляет себя в процессе демотивации, процессе лексикализации внутренней формы слова, псевдолексикализации, а также в процессе идиоматизации. Анализируются основные причины и условия, вызывающие протекание того или иного лексического процесса.

В *разделе 5* отмечены достижения в области исследования явления мотивации в рамках мотивологии. В частности, значительным вкладом в изучение мотивации становится создание мотивационных словарей. Отмечаются также задачи и вопросы, которые требуют дальнейшей систематизации и проблемного оформления.

Во *второй главе* – «Номинативный аспект лексической мотивации в говорах русского севера» – рассматриваются основные принципы, которыми руководствуется носитель говоров Русского Севера при создании лексических единиц, обладающих лексической мотивированностью (в данной главе нами рассматривается лишь предметная лексика).

Раздел 1 посвящен рассмотрению мотивационного признака как выразителя универсальных принципов номинации. Анализ материалов КСГРС позволяет выявить значительный массив диалектных единиц, обладающих лексической мотивированностью. Наибольшее количество единиц, обладающих лексической мотивированностью, зафиксировано среди существительных и глаголов, меньшее количество приходится на прилагательные, единичны случаи фиксации наречий. Основная часть мотивированной лексики отражает разные стороны повседневной созидательной жизни диалектоносителя, конкретные действия, деятелей и продукты деятельности.

Известно, что лексическая мотивированность реализует в слове мотивационный признак (МП) обозначаемого, который находит свое выражение в лексическом мотиваторе номинативной единицы и является реальным признаком номинируемого предмета, т.е. тем признаком, выявление которого служит начальным шагом появления того или иного наименования.

Одна из закономерностей номинации заключается в ориентации носителей языка на наиболее универсальные принципы обозначения внеязыковых объектов (под термином «принцип номинации» вслед за О.И. Блиновой понимаем «исходное положение, правило, которое формируется на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом и одновременно служит отправной базой для новых наименований»). Такими универсальными принципами являются, прежде всего, номинация по функции (назначению предмета в практической деятельности человека), а также ориентация говорящих на те признаки, которые отражают качественную специфику и внешние приметы обозначаемого. Номинация по функции предполагает активное отношение номинатора к объекту; объект рассматривается через призму освоенности человеком, поскольку он функционирует либо при прямом, либо при опосредованном участии человека, выступая, таким образом, в роли «вещи для человека». Для процесса вычленения признака объекта характерна позиция наблюдателя, когда объект рассматривается вне зависимости от деятельности номинатора, т.е. при номинации по признаку объект представляется, так сказать, «вещью для себя».

Очевидным фактом является то, что для разных тематических групп лексики преобладающим оказывается какой-то определенный принцип номинации. Материалы КСГРС свидетельствуют, что для артефактов, всегда прямо или опосредованно связанных с функцией, действием – они созданы для действия и в процессе того или иного действия – характерен принцип номинации по функции. Значительная часть названий орудий и приспособлений труда мотивированы признаком «функция, осуществляемая при использовании реалии»: *биток* ‘инструмент для битья шерсти’, ЛМ – *бить*; *вёйка* ‘приспособление, с помощью которого накручивают нитки в ткацком станке’, ЛМ – *вить*; *ворочáлки* ‘деревянные грабли’, ЛМ – *ворочать*. Названия предметов посуды и вообще емкостей, используемых в хозяйственных нуждах, также достаточно часто бывают мотивированы по их функциональному назначению: *жёренка* ‘сковорода, посуда для жарки’, ЛМ – *жарить*; *завáрница* ‘ведро, в котором заваривали корм скоту’, ЛМ – *заваривать* и т.д.

Для конкретных реалий природы характерным оказывается принцип номинации по признаку, так как для человека наиболее актуальным является умение их находить, узнавать, вычленять из ряда подобных. Так, при номинации съедобных грибов в говорах Русского Севера чрезвычайно распространена мотивация по цвету: *а́лѹшка*, *белени́к*,

бур'янка, жёлтїк, красїк (крас'як), краснѹха, серѹха (серѹшка, сер'ѹш, сѣрыш, сер'янка, серѹха), черн'як. Хотя цветовая характеристика не является функционально значимой для грибов (которые, к тому же, сразу после сбора утрачивают ее, так как чистятся, измельчаются, сушатся и т. д.), признак цвета оказывается первостепенным при поиске реалии и потому становится мотивационным. Та же мотивация по цвету характерна для наименований различных видов почвы, для наименования цветов, для наименования некоторых животных (птиц, рыб). Кроме того, для номинатора важны не только те признаки, которые можно воспринимать посредством зрения, но и те, которые воспринимаются иными органами чувств, т. е. возникает мотивировка по вкусу, по звуку, по запаху, по тактильному ощущению.

В разделе 2 проводятся наблюдения над степенью существенно-сти/несущественности избираемых диалектоносителем мотивационных признаков.

В исследовательской литературе мотивационный признак получает самые разные оценки. Квалификация степени важности этого признака имеет следующие этапы: он воспринимается то как «самый важный», «самый существенный», «достаточно характерный», «наиболее бросающийся» [Т.С.Коготкова], то как занимающий периферийное место, являющийся «случайным результатом наименования» [Н.Н. Амосова, Н.Д. Голев, В.А. Губанова, Н.Г. Нестерова, К.А. Сафарова].

Тезис о несущественности, случайности признака внутренней формы слова служит основной опорой при объяснении наличия в языке разных наименований одной и той же реалии. Для лексики говоров Русского Севера характерно одновременное сосуществование вариантов наименования одной реалии, мотивированных различными ее признаками: 'вязаные варежки': вяз'янки (вез'янки), ЛМ – вязать, МП – «вязаный»: «Вечор везянки везала»; голь'янки, ЛМ – голый, МП – «надеваемый на голую руку»: «Их на голу руку надевали, потому и голянки»; надергашки, ЛМ – надергивать, МП – «<быстро> надергиваемый»: «Их только на руку надернеш быстро – вот надергашки»; 'олады': поворотыши, ЛМ – поворачивать, МП – «поворачиваемый <при приготовлении>»: «Поворотыши побольше, поворачивали их со стороны на сторону»; преснец'ы, ЛМ – пресный, МП – «сделанный из пресного теста»: «Преснецы из пресного теста делали».

Материал показывает, что в ряде случаев мотивационный признак действительно оказывается малосущественным, т.е. он весьма условно и смутно характеризует реалию. Таковыми, к примеру, представляются МП «поворачиваемый <при приготовлении>» для возникновения наименования оладий поворотыши (в переворачивании в процессе приготовления нуждается значительное количество кушаний), МП «<быстро> надергиваемый» для наименования варежек надергашки (надернуть можно любую одежду) и т. п.

Причиной возникновения нескольких наименований одной реалии во многих случаях является степень «близости знакомства» номинатора с номинируемым объектом, наличие разных этапов познания данной реалии. Так, имея лишь «зрительный контакт» с осокой, номинатор ограничивается вычленением мотивационного признака, отображающего заостренную форму листовых пластины травы и послужившего для создания лексемы воструха и ее лексико-морфологических вариантов: «Воструха – одне востры листочки, никаких дудочек нет». При возникновении более тесного контакта с травой, им вычленяется и другой признак – способность травы наносить порезы, мотивирующий лексему рез'ун (варианты – резуга, резунец, резунина, резунка, резунья): «Осока есь

кругла, а есь широкая, руки режет, эта осока – резун»; «Резута – длинна трава, широкая, рвать – дак руки можно обрезать»; «Резунец такой длинный, а жесткий, резунец руки режет»; «...высокая трава, резунина еишо зовут, возьми – так палец порежешь»; «Трава такая резунья растет, она колочая, порежет руку».

В разделе 3 прослеживаются особенности проявления классифицирующей роли мотивированности. Исследователями отмечается, что в диалектном слове в большей мере, нежели в литературном языке, представлена конкретность семантики, существует более четкое предметное сопоставление [Г.Я. Сими́на]. Отличительной особенностью говоров является то, что в различных идеографических группах часто возникают так называемые «дробные слова-наименования» [Т.С. Коготкова], обозначающие одну и ту же реалию, но не являющиеся синонимами, так как реалии при имеющейся родо-видовой общности дифференцируются между собой по форме, материалу, способу их изготовления, по функциональному назначению и т.п. В говорах Русского Севера такие «дробные слова-наименования» чрезвычайно распространены. Они фиксируются в таких тематических группах, как «предметы бытового обихода», «предметы труда и промысла», «средства передвижения», «животные (домашние и промысловые)», «одежда», «пища» и т.п. Иными словами, они наиболее распространены в тех тематических группах, в которых в силу специфики уклада жизни диалектоносителя предполагается развитие сложной и тонкой иерархии понятий, а мотивированность возникающего диалектного термина предохраняет речь от перегруженности описательными элементами. К примеру, различия в выборе тканей и покроя приводят к возникновению в говорах Архангельской и Вологодской областей таких названий сарафана, как *атласник*, *бумажник*, *гаусник*, *кашмирник*, *тканник*, *широколямочник*. В данном случае мотивированное название функционирует как «максимально редуцированное описание» [Н.Д. Голев].

Для проведения анализа принципов номинации «дробных слов-наименований» нами отобрано несколько тематических групп, охватывающих лексику с конкретным предметным значением – «транспорт (сани, телеги)», «лодки», «рыболовные сети» (различного рода ловушки для ловли рыбы не рассматриваются), «полотенца». Указанные тематические группы избраны по двум основным причинам: во-первых, они охватывают чрезвычайно важные стороны жизни диалектоносителя, связанные с хозяйственно-промысловой деятельностью и повседневным бытом; во-вторых, данные тематические группы предоставляют богатый лексический материал.

Анализ показал, что принципы номинации по функции и по признаку либо находятся в равновесии (тематические группы «транспорт (сани, телеги)», «корзины»), либо превалирующим оказывается принцип номинации по функции («рыболовные сети», «полотенца»). Лишь в тематической группе «лодки» в значительной мере преобладает принцип номинации по признаку, хотя и лодки, и транспортные средства в виде саней и телег представляют собой средства передвижения, и было бы логично предполагать, что в обеих группах превалирующей должна оказаться мотивировка по функции, связанная с передвижением где-либо, куда-либо, перевозкой чего-либо. Вопреки ожиданиям, лодка, являющаяся незаменимым предметом в хозяйстве крестьянина Русского Севера, неожиданно оказывается как бы «вещью для себя». Впрочем, в таких «признаковых» наименованиях как *долблянка* (*долб'енка*, *долб'яшка*), *стружок*, *шитуха* (*шито́вка*), *набойница* четко прослеживается динамика присутствия влияния человека, ведь именно им в данном случае создается признак реалии (им лодка выдалбливается, остругивается,

сшивается, обивается железом и пр.). При этом мотивационные признаки, послужившие толчком к созданию наименований, составляющих рассмотренные тематические группы, отображают как сущностные свойства и качества реалии, так и второстепенные. К примеру, при таких наименованиях корзин как *деуручка* и *скрипуха*, МП «обладающий двумя ручками» представляется важным для закрепления особенностей формы объекта (а наличие особенностей формы, устройства реалии, как известно, тесным образом связано с особенностями ее использования, применения), тогда как МП «издающий скрип (при эксплуатации)» не содержит принципиально значимой информации об объекте.

В третьей главе – «Динамический аспект лексической мотивации в говорах русского севера» – представлены результаты исследования лексики говоров Русского Севера в динамическом аспекте. Рассматриваются процессы модификации внутренней формы слова, лексической ремотивации, деактуализации мотивированности, а также взаимосвязь лексических процессов, обусловленных мотивированностью.

Раздел I посвящен отображению в говорах Русского Севера процесса варьирования внутренней формы слова.

Варьирование внутренней формы слова непосредственно связано с его лексической или структурной полимотивированностью, когда видоизменяется либо мотивационное значение, либо мотивационная форма слова, либо происходит одновременное видоизменение того и другого. При этом по установленной О.И. Блиновой классификации, в результате полимотивации слова однокорневыми лексическими единицами, ведущей к различию либо в мотивационной форме, либо в мотивационном значении, возникает *вариантная* внутренняя форма, тогда как результатом полимотивации разнокорневыми лексическими единицами, сопровождающейся изменениями и мотивационной формы, и мотивационного значения, становится *вариативная* внутренняя форма.

Анализ материалов КСГРС свидетельствует, что варьирование внутренней формы слова – регулярный фактор, проявляющийся при актуализации диалектоносителями лексической мотивированности слов. Наблюдения речевых рефлексий носителей говоров Русского Севера позволяют подтвердить выводы, сделанные ранее томскими мотивологами на основе изучения данных Мотивационного диалектного словаря и его картотеки: варьирование внутренней формы слова происходит в основном за счет полимотивации однокорневыми лексическими единицами. В качестве мотиваторов, приводящих к модификации внутренней формы слова, могут выступать однокорневые лексические единицы, принадлежащие как одной, так и разным лексико-грамматическим группам. Ср.: *глотушка* ‘черемуха’: «Черёмуху глотушкой раньше звали, её не жуют, а глотают», ЛМ – *глотать*, МФ – ГЛОТ/УШКА, МЗ – ‘то, что глотают’; «Свяжет весь рот, не проглотит глотушку эту», ЛМ – *проглотить*, МФ – ГЛЮТ/УШКА, МЗ – ‘то, <что не> проглотитишь’; *кол’юха* ‘несъедобная колючая рыбка’: «Колюха-то шибко колется, потому так и зовут», ЛМ – *колоться*, МФ – КОЛЮХА, МЗ – ‘рыбка, <колюха> колетя’; «Колюхи – потому што колючие», ЛМ – *кол’ючий*, МФ – КОЛЮХА, МЗ – ‘колючая рыбка’.

Возникновению вариантных внутренних форм слова способствует ориентация говорящих на разные принципы номинации, которые могли послужить базой при создании того или иного наименования. Так, наименование гриба *сухарь* ‘разновидность груздя’ актуализирует в сознании говорящих представление о принципах номинации как по признаку, так и по свойству (месту произрастания): «Сухарь весь белой и весь как бы сухой из себя», ЛМ – *сухой*, МФ – СУХ/АРЬ, МФ – ‘сухой гриб’; «Белый груздь

на сухом месте растёт, сухарь называется», ЛМ – *сухой*, МФ – СУХ/АРЬ, МФ – ‘гриб, <растущий в> сухом <месте>’.

В силу возникновения различных ассоциаций при воспроизведении слова диалектоносителями может выделяться и акцентироваться совсем не тот признак, который послужил мотивировочным при его создании, отчего внутренняя форма подвергается изменениям. Нередко слово при этом получает мотивировку разнокорневыми лексическими единицами. Например, название гриба *горянка* соотносится то со словом *горький*, когда в качестве мотивировочного признака выступает вкус гриба (‘Горянки – грибы горькие», МФ – ГОР/ЯНКА, МЗ – ‘горький гриб’), то со словом *гореть*, мотивировочный признак при этом – яркий цвет шляпки гриба (‘Горит потому што, шапка у её красна, так вот горяной и зовётся», МФ – ГОР/ЯНКА, МЗ – ‘гриб, <который> «горит»’). Если при соотнесении слова с однокорневыми лексическими единицами чаще всего изменению подвергается лишь его мотивационное значение, так как реализация отношений лексической мотивации предполагает сосредоточение внимания говорящего именно на мотивационном значении лексической единицы, то в случае, когда в качестве предполагаемых мотиваторов выступают разнокорневые единицы, нередко происходит одновременная модификация и мотивационного значения и мотивационной формы, т.е. внутренняя форма слова становится вариативной. Ср.: *обвершье* ‘верхний слой сена в снопе’: ‘Вверху обвершье называлось», ЛМ – *вверху*, МФ – ОБ/ВЕР/ШЬЕ, МЗ – ‘сено, <которое> вверху’; ‘Обвершье – сверху сено плохое, гнилое, стог им завершаец», ЛМ – *завершать*, МФ – ОБ/ВЕР/ШЬЕ, МЗ – ‘сено, <которым> завершают <стог>’; ‘Сено заветреет – вот и обвершье», ЛМ – *заветреть* ‘обветриться’, МФ – ОБ/ВЕ/РШЬЕ, МЗ – ‘сено, <которое> заветрело’.

В ряде случаев, стремясь, очевидно, к наиболее точному и полному осмыслению внутренней формы слова, диалектоноситель производит актуализацию слова сразу с двумя возможными мотиваторами, причем «неспровоцированность» таких актуализаций подтверждается фиксацией в текстах, отражающих живое, естественное течение речи. Один из нескольких одновременно осознаваемых мотиваторов может оцениваться лишь как предположительный или же как вовсе неподходящий: ‘Ледуница на борах растёт, красная, блестящая, янтарная, как лёд блестит, а, может, от слова ледина»; ‘Лишанка останется где неокошена, небольшой участок земли; не от “лешак”, а “лишний”...».

Раздел 2 посвящен наблюдению над особенностями протекания процесса лексической ремотивации в говорах Русского Севера.

КСРГС предоставляет значительное количество материалов, отображающих явление лексической ремотивации, как сопровождающееся изменением звуковой оболочки слова, так и проходящим без этого изменения. Лексический материал свидетельствует, что в сферу действия ремотивационных процессов вовлекаются в первую очередь конкретные существительные.

Анализ лексики, подвергшейся ремотивации без изменения звуковой оболочки слова, показывает, что в основном она является заимствованной (чаще субстратной), либо она обладает исконно русскими, но ставшими архаичными основами. В любом случае, на уровне синхронии данная лексика чаще всего не имеет в языковой среде говора живых мотивационных связей, однако этот факт, если можно так выразиться, проходит

мимо языкового сознания диалектоносителя, нацеленного на актуализацию мотивационных отношений. Диалектоноситель, как правило, не осознает языковой и хронологической «чужеродности» данного пласта лексики вследствие того, что он, при возникновении необходимости установления мотивационных связей, легко может вычленил из своего активного лексикона слова, созвучные привлечшей внимание лексической единице, и такая созвучность воспринимается им как достаточная причина для сближения далеко не родственных лексем. Ориентация на фонетическое звучание при выборе лексической единицы, способной выступить в роли предполагаемого мотиватора, дает повод для случайностных семантических ассоциаций и обобщений. Например, наименование низкого сырого места, заболоченного участка или болота *утина* соотносится говорящим со словом *утка*: «*Утина* – сырое место, *утки* раньше, говорят, здесь жили»; «Между веретьями болотистые места, *утинами* называются, когда-то *утки* плавали там, а сейчас всё заросло, вот потому и *утина*». Ср.: *utti* ‘топкое место’ олонецк., из фин. *ukki*, род. п. *ukin* ‘лужа, бочажина’ [Фасмер 4, 174].

В ряде случаев, когда говорящему не удастся отыскать «рациональную» связь между лексическими единицами, толкование может осуществляться путем уподобления любому понятному созвучному слову. Нередко в подобной ситуации в качестве единственно возможного формального мотиватора избирается звукоподражательное слово. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что под влиянием регулярных фонетических сближений ассоциативная связь между предполагаемыми мотиватами может становиться достаточно прочной, способной к неоднократной актуализации.

Основываясь на синхронно-ассоциативных связях созвучных слов, говорящий очень часто стремится отыскать такой формальный мотиватор, в котором было бы отражено представление о каком-то рациональном принципе номинации. К примеру, в говорах Русского Севера (как и в языке в целом) при наименовании животных с особой регулярностью проявляет себя принцип номинации по признаку, поэтому толчком для ремотивационных переосмыслений означенной категории лексических единиц нередко служит ориентация именно на данный принцип номинации. Так, согласно М. Фасмеру, слово *kõnala*, *kõnnala* ‘самка тетерева-глухаря, *Tetrao urogallus*’, арханг., олонецк. происходит из карельск. *koppala* ‘глухарь’, фин. *koppelo* – то же или саам. кильд. *kuapel* – то же [Фасмер 2, 371]. Для диалектоносителя же оказывается более актуально сближение названия самки тетерева *kõnala* с глаголом *копать*, который, по его мнению, отображает поведенческие особенности данной птицы: «А её звали *копала*, потому што в земле *копается* и для птенцов камешки выбирает».

Как показывает лексический материал, в соответствии с приписываемой говорящим слову внутренней формой происходит дополнительное осмысление его значения, в частности, преосмысление мотивационного значения слова.

При «переименовании» звуковой формы слова для говорящего немаловажным фактором становится опора на проявляющиеся в речи актуальные компоненты значений лексических единиц. Например, при преобразовании лексемы *нодьа* ‘костер особой укладки, устраиваемый в лесу в холодные ночи охотниками’ в *ночь* (вариант зафиксирован в лексике жителей как Архангельской, так и Вологодской области: Арх.: Вель; Влг.: Тот), говорящий опирается не только на созвучие мотиватора, но и на актуальный компонент значения, заключающийся в том, что костер разводят в ночное время (ср.: *нодьа*

‘сторожевой огонь у охотников’, арханг., *нодь’я* – то же; из карельск. *nuodivo*, фин. *nuotio* ‘костер на стоянке’ [Фасмер 3, 80].

В многочисленных лингвистических и философских исследованиях подчеркивается, что в лексике в процессе номинации происходит своего рода закрепление тех результатов познавательной деятельности человека, которые он накапливает в развитии своих взаимоотношений с окружающим миром. Процесс «познания объекта», сопровождающийся поиском нового мотиватора, может стать еще одним фактором, стимулирующим формальное преобразование той или иной единицы, уже обладающей лексической мотивированностью. Так, изначальным толчком для создания слова *продольник* (варианты – *продолък*, *продолы*), обозначающих рыболовную снасть в виде длинной палки или веревки, к которой привязано большое количество крючков, послужил признак означенной реалии, а конкретнее – признак ее длины. Варианты *продолонник* (ЛМ – *дно*) и *прудлонник* (ЛМ – *пруд*) возникли под воздействием ориентации на указание опосредованных признаков функционирования реалии: при использовании снасть ведут по дну водоема, и местом использования снасти может быть пруд.

Ремотивационное преобразование лексической единицы нередко актуализирует метафорические или экспрессивно-эмоционально-оценочные ассоциации. Так, переосмыслению названия скребка для выделки шкур *яёе́йка* (*язе́йко*) в *лизе́йка* способствовало соотнесение его с глаголом *лизать*, отображающем метафорические представления о действии данной реалии: «Лизе́йка на палке длиной полметра, у её как два когтя, за палку держат и выскабливают шкуру-ту, он как бы лизает её». При этом исконным считается ненецкое *jēs'sèl*, *jēs'sèlkkō* ‘скребок’, *esey* ‘скребок для выделывания шкур’, которое этимологами возводится к прасамод. *wesajǝ ‘скребок’ [Кабинина, Матвеев, Теуш 1999, 253]. Ориентация на образное восприятие действительности нередко толкает говорящего на поиск новых мотивационных связей даже в том случае, когда переосмысляемая лексема уже поддерживается мотивационными отношениями с другими единицами говора.

Обращает на себя внимание тот факт, что под влиянием процесса ремотивации в качестве мотиваторов избираются преимущественно лексические единицы общерусского характера. Лишь в некоторых случаях в роли предполагаемых мотиваторов избирается исконная для данного региона лексика.

Результаты наблюдений над фактами языковой рефлексии диалектоносителей, отражающими явление лексической ремотивации, способны предоставить ценный исследовательский материал. К примеру, они дают возможность проследить динамику развития языка говора, выявить состав активной и пассивной лексики в речи носителей говора. Так, стремясь «прояснить» внутреннюю форму слов *леду́ника* ‘дикая красная смородина’, *леду́ница* ‘костяника’, диалектоносители устанавливают отношения лексической мотивации с лексическими единицами *леденцовый*, *лёд*, лишь в качестве предположения выдвигая истинный мотиватор *ледина*, служащий обозначением сырого заболоченного места. Это позволяет выдвинуть предположение, что диалектное *ледина* перестает быть частью активного лексикона носителей говора.

В разделе 3 исследуется специфика проявления деактуализации мотивационных отношений слов, связанная с процессами лексикализации и демотивации.

Поскольку мотивационная форма слова, подвергнувшись воздействию процесса *лексикализации*, не претерпевает никаких внешних изменений, бывает довольно непросто

прийти к заключению, что внутренняя форма той или иной лексической единицы является лексикализованной. Основным критерием, позволяющим определить наличие/отсутствие лексикализации внутренней формы слова, представляется результат наблюдений над показаниями языкового сознания говорящих. Часто высказывания носителей языка отображают разную степень осознания актуальности связи между мотиватами, т. е. отображают разную степень проявления процесса лексикализации.

Среди причин лексикализации, имеющих лингвистический характер, наиболее распространенной является причина забвения или нивелирования мотиватора. Материалы КСГРС предоставляют значительное количество фактов, свидетельствующих о том, что зачастую отношения лексической мотивации перестают актуализировать те слова, лексическими мотиваторами которых являются собственно диалектные лексемы. Так, в КСГРС зафиксировано два значения наречия *яро*: 1. 'быстро'; 2. 'много'. Однако в слове *яроводье*, обозначающем период наибольшего подъема воды в реке, на море, сегмент *яро-* оказывается лексикализованным, так как диалектоносители предпочитают соотносить слово с общерусскими *много* и *быстро*, а не с диалектным *яро*: «Яроводье бывает, вода быстро бежит на полной и новой лунь»; «На яроводье вода прибывает много и быстро». Не менее распространена причина, связанная с утратой, забвением мотивационного признака. Деактуализация мотивационного признака, повлекшая за собой лексикализацию, произошла, к примеру, у слова *прутовіца* 'дикая красная смородина', где ЛМ *прут*.

Важнейшей экстралингвистической предпосылкой к возникновению лексикализации служат видоизменение самой обозначаемой реальности, изменение способа ее эксплуатации. Например, развитию лексикализации наименования кушанья *сальник* способствует изменение способа его приготовления – без добавления сала.

Материалы КСГРС свидетельствуют, что довольно часто слова, подвергшиеся воздействию лексикализации внутренней формы, претерпевают фонетические изменения, которые окончательно «стирают» их мотивационные связи, т. е. приводят к **демотивации**. Так, широко известное в говорах Русского Севера слово *пѹтик*, служащее для обозначения подорожника (растения) и некоторых съедобных грибов, судя по многочисленным контекстам, не актуализирует мотивационные отношения с лексическим мотиватором *путь*, в качестве слова-сателлита обычно выступает дублет *дорога*: «Эдак листочки по дорогам, "пѹтик" у нас говорят...»; «Пѹтики только по дорогам растут лесным...»; «Пѹтики серые по дорогам растут». Ослабление мотивационных связей способствует демотивации слова, которое под влиянием фонетических изменений обретает форму *пудик*: «У нас грибы всякие бывают: пудики бывают, красульки».

В разделе 4 прослеживается взаимосвязь лексических процессов, отражаемая говорами Русского Севера.

Отмечается, что во внутренней форме одного слова могут находить свое отображение разные лексические процессы, связанные с проявлением динамического аспекта мотивации.

В предыдущем разделе указывалось на встречающиеся в лексике Русского Севера случаи, связанные со сложностью разграничения процессов лексикализации внутренней формы слова и демотивации. Кроме того, лексический материал свидетельствует, что в среде диалектоносителей наблюдается тенденция к «оживлению» внутренней формы слова, потерявшей способность актуализировать отношения мотивации, т. е. лексикализованное или демотивированное слово обретает новые мотивационные связи под воздействи-

ем процесса ремотивации. В некоторых случаях внутренняя форма одного слова претерпевает параллельное воздействие сразу двух процессов, связанных с мотивированностью лексической единицы и носящих разнонаправленный характер. К примеру, слово *слепёц* в значении 'ловушка на птицу и мелкого зверя' (предположительно звукоподражательного происхождения, сравнивают с англ. *slap* 'шлепок', нем. *schlapp* 'хлоп!', ср. также *хлопать* [Фасмер 3, 675]) подвергается преобразованию звуковой оболочки как под действием ремотивационного осмысления – *слепц'ы* (сближение с *ловить*, в соответствии с функцией приспособления), *слепёц* (формальное сближение со *слепой*), так и вследствие демотивации – *снобёц*, *снопёц*, *снопц'ы*. Возникновение варианта *шлопц'ы* может быть обусловлено как сближением с глаголом *шлёпать*, так и влиянием процесса демотивации.

Процесс ремотивационного переосмысления лексической единицы *очень* часто бывает связан с проявлением множественности лексической мотивации, приводящей к варьированию *внутренней* формы слова. Возникновению модификации *внутренней* формы могут также способствовать другие процессы, связанные с *мотивированностью* слов. Так, возникшая лексикализация сегмента *вод-* (от *водить*) в слове *верховодка* 'рыбка уклейка', приводит к образованию следующих вариантов *внутренней* формы данной лексемы: «*Верховодка* – рыбка маленькая, *поверху водит*, укунется – вынернет», ЛМ – *верх* и *водить(ся)*, МФ – ВЕРХО/ВОДКА, МЗ – 'рыбка, <которая> поверху водит'; «*Верховодка* – она такая вот маленькая, ... она только *поверху* ходит»; «*Верховодка* – белая рыбка, *поверху* идёт»; ЛМ – *верх*, МФ – ВЕРХО/ВОДКА, МЗ – 'рыбка, <которая> поверху ходит, идет'.

Следует отметить, что в ряде случаев процессу демотивации путем преобразования звуковой формы подвергается слово, внутренняя форма которого не ослаблена лексикализацией. Так, слова *пильник* 'тетерев' и *шоло́ник* 'сильный ветер юго-зап. направления', регулярно актуализирующие мотивационные отношения со своими лексическими мотиваторами (исконными и предполагаемыми), под воздействием фонетических преобразований демотируются, обретая форму *пульник* и *шоло́ник* соответственно. Зафиксированные показания языкового сознания не содержат указания на возможный лексический мотиватор: «Пульником косача зовут, он мясной»; «Пульник цорный тожо, што цухарь, поменьше». Одной из причин возникновения таких преобразований может служить отсутствие в говорах закреплённого графически постоянного зрительного образа, способного корректировать, как это наблюдается в литературном языке, фонематический состав слова.

Порой бывает довольно сложно решить, воздействию какого именно процесса, связанного с мотивированностью лексической единицы, подверглось то или иное слово. Неясно, произошло формальное преобразование слова *пильник* 'тетерев' в *п'ильник* под влиянием предполагаемой мотивации словом *пыль* (способной возникнуть в связи с особенностями поведения птицы – тетерев охотно купается в пыли), либо его звуковая форма видоизменилась в процессе демотивации, аналогично варианту *пильник* – *пульник*; говорящим не акцентируется МЗ 'птица, <которая> купается в пыли': «Пильник – тетерев это, до двух килограммов весит».

Рассмотренные примеры служат ярким подтверждением того, что слово, будучи однажды созданным, при воспроизведении в живой речи продолжает подвергаться постоянному воздействию разнообразных мотивационных процессов.

В четвертой главе – «Коммуникативная функция лексической мотивации говоров русского севера» – рассматриваются проявления коммуникативной функции лексической мотивации в речи диалектоносителей.

Для говорящего, стремящегося к возможно большей функциональности своей речи, к большему ее пониманию собеседником, главной задачей является найти и задействовать средства, способные активизировать, актуализировать у слушающего представление о предмете, событии или явлении через известные тому элементы (уже представленные в речевом материале и находящиеся в языке свою постоянную реализацию). Благодаря ассоциативному характеру мыслительных процессов, оптимальным способом достижения стоящей задачи является обращение к средствам лексической мотивации, когда вновь образуемая единица формально и семантически поддерживается уже существующей в языке лексемой. Как отмечает Н.Д. Голев, коммуникативная функция необходимо присутствует в каждом акте мотивации и отражается в его результатах, и именно эта функция мотивации может по праву претендовать на роль функции-доминанты, проецируемой на все проявления мотивации.

При изучении коммуникативной функции мотивации исследователями были выделены и описаны следующие случаи ее проявления: *информативная* функция, *текстоформирующая* функция, функция *дополнительной ситуативной информации*, функция *характеристики*, функция *объяснения*, *метаязыковая* функция [См.: Блинова 1984, Гарганова 1999, Наумов 1985, Янцкая 1979]. Анализ материала позволяет сделать вывод, что диалектоносители регулярно актуализируют в своей речи отношения лексической мотивации слов, все указанные случаи реализации коммуникативной функции представлены в речи диалектоносителей территории Русского Севера. Рассмотренные варианты реализации коммуникативной функции можно условно разделить на два типа: непреднамеренной актуализации мотивационных отношений лексических единиц и, так сказать, актуализации «преднамеренной», когда говорящий ставит перед собой цель разъяснить значение того или иного слова собеседнику.

Такие коммуникативные функции мотивации как информативная и текстоформирующая реализуются в речи диалектоносителей непреднамеренным, естественным образом во время повседневного общения определенного языкового коллектива. *Информативная* функция, при которой мотиваты, согласно О.И. Блиновой, как правило, являются единственными обозначениями соответствующих предметов, понятий, признаков и т.д., регулярно реализуется в тех случаях, когда темой высказывания становятся «субъект-изготовитель объекта» – «объект, изготавливаемый субъектом», «кушанье» – «продукт, из которого изготовлено кушанье», «кушанье» – «процесс, при помощи которого изготовлено кушанье». Непреднамеренная актуализация мотивационных отношений предполагает описание прототипических ситуаций, т. е. ситуаций, характеризующих обычную, повседневную и хорошо известную деятельность. Примером такой ситуации можно назвать процессы трудовой или промысловой деятельности, которые осуществляются при помощи какого-либо предмета, специального приспособления, орудия труда или же снасти. При описании означенных процессов в речи носителя говора обычно задействованы и мотивированный глагол и мотиватор – название орудия труда, снасти и т. п.: *за́рочить* ‘остановить сплавной плот специальным шестом’: «Берут роч, надо пором зарочить», ЛМ – *роч* ‘шест, которым тормозят или останавливают плот’; *ха́чить* ‘надрезать кору при добыче смолы специальным ножом’: «Хаком хачат,

бороздины эти на дереве делают», ЛМ — *хак* 'нож, которым надрезают кору на стволе дерева'; *чагать* (*чагати*) 'оплестать жерди перегораживающего водоем рыболовного закола словыми ветвями': «Заколы ставят, а потом чагой обдeldывают, чагают», ЛМ — *чага* 'еловые ветви, которыми оплестают жерди перегораживающего водоем рыболовного закола'. Информативная функция мотивации также регулярно актуализируется при реализации в речи диалектоносителей мотивированных наименований человека, отображающих какие-либо его качества, отличительные особенности характера или поведения: *выскреб* 'человек, имеющий о себе слишком высокое мнение': «Она таким выскребом себя держит, ...привыкла выскребаться всю жизнь», ЛМ — *выскребаться* 'иметь о себе высокое мнение'; *глухмятка* 'о глухом человеке': «Бабка глухмяна, глухмятка», ЛМ — *глухмяный* 'глухой'; *лезга* 'человек, который болтает попусту': «Ой, бабка, лезга ты, налезжала им, чего не знаешь!», ЛМ — *лезжать* 'болтать попусту'.

Следует заметить, что и при обозначении процессов трудовой и промышленной деятельности, и при наименовании человека по его характерным особенностям, мотиваторами, как правило, являются диалектные лексические единицы, случаи привлечения общелитературного мотиватора единичны.

Характерная для информативной функции динамичность повествования приводит к тому, что в речи диалектоносителя часто возникают созданные по регулярной модели инновации, отличающиеся необходимой емкостью и экспрессией.

Текстоформирующая функция, главным образом, участвует в создании смыслового и формального единства текста, поскольку более четко фиксирует синтагматические отношения его единиц, способствуя связности и последовательности разворачиваемого сообщения. «Заглумило: двери открылись, а не было никого; может, какая сила нечистая. Сидят, едят, вдруг обмылок в суп бросило — глумит, говорят про такое». Возникающая в некоторых случаях такая структура фразы, когда одна и та же основа в тех или иных вариантах актуализируется не только дважды, но и трижды, четырежды и более, характерна либо для ситуации описания какого-то сложного предмета, явления, либо при рассказе, когда сам говорящий фиксирует свое внимание или внимание слушающего на какой-либо детали. См.: «Бутрим картошу, забутрили бутрилкой конной, едут между рядами, и бутрится, хорошо забутривается очень». Удвоенный, утроенный и т. д. корень в рамках мотивации часто используется для создания эмоциональной речи, для передачи интенсивного признака, действия и т. д., таким образом выполняя коммуникативную функцию, мотивация одновременно служит фактором, повышающим экспрессию речи: «Не веньгай, веньгун, ой, развеньгался!»; «Шамом, ой, нашамили в избе, надо выпахать шам-то из избы».

Функции объяснения, дополнительной информации, характеристики и метаязыковая функция обычно являются «спровоцированными» ситуацией непонимания слова, незнания ситуации, они направлены на выяснение того или иного понятия или явления. Чаще они направлены на преодоление коммуникативных трудностей при общении с людьми, принадлежащими к другой социальной группе, обеспечивая тем самым более адекватное восприятие информации слушающим. Функция **характеристики**, например, с особенной регулярностью реализуется при описании реалий природы, путем актуализации их мотивационных признаков: «Ольховики такие серые грибы, под ольхой растут», «Голубель — ягоды таки крупные, вкусные, голубые», «Голубан — большая

утка, сера с голубым, а других пёрышков нет» и т. д. В функции **объяснения** лексический мотиватор привлекается для прояснения внутренней формы мотивируемого слова, причем наиболее часто данная функция реализуется, когда речь заходит о предметах, связанных с деревенским хозяйством, бытом, о процессах, связанных с сельским хозяйством, охотничьим и рыболовным промыслами, о реалиях природы и т. д., т. е. тогда, когда в процессе разговора оказываются затронуты те сферы, которые для собеседника (в ситуации сбора лексических материалов – собеседника-горожанина) незнакомы или малоизвестны, а потому требуют пояснения. Материалы свидетельствуют о том, что для функции объяснения характерным является наличие в контексте, помимо самих мотиваторов, слов «говорить», «называть», «звать», «называться», «зваться»: «Толстые косы скованы, дак их кованки называют»; «Старики ходили на выставку, она так называется оттого, што ставились силки на рябчиков в ряд». Многочисленные примеры толкования диалектоносителями слова через образное осмысление его внутренней формы позволяют выразить несогласие с утверждением В.Г. Наумова, что для диалектной речи «несвойственна такая функция мотивации, как создание образности речи, когда говорящим осознается внутренняя форма слова (приоритет использования этой функции у художественной литературы)». К примеру, при объяснении слова *шляпочник* в значении ‘строевой лес (из сосен, ветви которых растут только у вершины)’, диалектоносителем реализуется ассоциативная связь ‘крона на самой вершине дерева’ – ‘шляпка’: «Сосняк мы зовём ишшо и шляпочником. Пошто так зовём? Так ведь стволы все голые, а кроны немного, только шляпки и есть, вот и получаецца шляпочник».

С функцией объяснения оказывается схожа функция **дополнительной ситуативной информации**; принципиальное отличие видится в том, что чаще всего мотиватор выступает в роли пояснения к уже сказанному для конкретизации как речевой, так и внеречевой ситуации: «Прошла парусница: в той деревне дошш, а у нас и не было, как парусом пронесло, а нас и не хватило»; «Ремни [у льдж] раньше «переноски» звали, вперёд носом ведь ходиш, а не назад».

Специфическая особенность **метаязыковой** функции мотивации заключается том, что в ней реализуется стремление говорящего зафиксировать «сведения о языке», а не о предмете высказывания; язык становится объектом наблюдения, а языковые рефлексии – специальным предметом сообщения. Характерным является наличие в контексте, помимо мотиваторов, таких слов, как «наверное», «может», т. е. метатекст фиксирует не шаблонное восприятие языка говорящим, а его творческий, индивидуальный подход к слову, когда поиск внутренней формы слова сопровождается сомнениями и догадками: «...гусятница [трава] – гуси, наверно, едят»; «Поплавнем ловят сёмгу, плаваёт сетка, вот, наверно, и назвали». КСГРС фиксирует значительное количество материалов, когда мотивация выполняет отмеченную В.Г. Наумовым функцию «объяснения языковой природы слова», специфическими речевыми приметами которой являются словосочетания типа «произошло от слова»: «Малин-от – небольшой лесок, от слова “маленький”»; «Морозга – от слова “моросить”». Характерно, что, стремясь к прояснению внутренней формы слова, говорящий вовлекается в процесс так называемой языковой игры, понимаемой, вслед за Т.А. Гридиной, как осознанная установка на говорящего на творчество, на эксперимент над знаком на основе его интерпретации.

В **Заключении** формулируются основные выводы и обобщаются итоги исследования явления лексической мотивации в говорах Русского Севера.

Для диалектоносителя мотивационный признак является основополагающим фактором при номинации объекта. При этом избираемый диалектоносителем мотивационный признак, сохраняя способность осознаваться и актуализироваться в речи, не всегда является сущностным для объекта номинации. Мотивационный признак может выражать универсальный принцип номинации, а может быть и малосущественным, ситуативным, характеризую реалью весьма условно и смутно, и отражая разные этапы познания данной реалии.

Явление лексической мотивированности является регулярным фактом речевой деятельности носителей говора. Экспликация внутренней формы слова зачастую приводит к тому, что различные лексические процессы, отображающие проявление динамического аспекта мотивации, оказываются взаимосвязанными, наблюдается их взаимопроникновение и «взаимоперетекание»: возникшая лексикализация становится толчком для возникновения ремотивационного процесса, процесс ремотивационного переосмысления лексической единицы приводит к варьированию внутренней формы слова и т. д.

Лексическая мотивированность реализуется как средство обеспечения успешного акта коммуникации. В речи носителей говоров Русского Севера в полной мере представлены все коммуникативные функции мотивации. Варианты реализации коммуникативной функции мотивации можно условно разделить на два типа: непреднамеренной актуализации мотивационных отношений лексических единиц, проявляющейся в речи диалектоносителей естественным образом во время повседневного общения определенного языкового коллектива, и, так сказать, актуализации «преднамеренного» характера, когда говорящий ставит перед собой цель разъяснить собеседнику значение того или иного слова через раскрытие его внутренней формы, через процесс языковой игры.

Обращение к средствам лексической мотивации позволяет носителю говора реализовывать принцип экономичности средств языка, помогая избежать загромождающих речь описательных приемов и способствуя проявлению необходимой динамики повествования.

Наблюдение проявления лексической мотивированности даст материал для наблюдения динамики развития языка говора. Так, было выявлено, что под влиянием процесса ремотивации в качестве мотиваторов избираются преимущественно лексические единицы общерусского характера, тогда как процессу лексикализации чаще подвергаются те слова, лексическими мотиваторами которых являются собственно диалектные лексемы.

Список опубликованных работ по теме диссертации

1. Из наблюдений над мотивационным значением диалектного слова // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996. С. 109–113.
2. Из наблюдений над явлением лексической мотивации в говорах Русского Севера // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 201–206.
3. Лексикализация внутренней формы диалектного слова и его демотивация // Актуальные проблемы лингвистики: Материалы ежегодной региональной науч. конф. 4–5 февраля 1997 г. Екатеринбург, 1997. № 10. С. 58.
4. Мотивационное значение слова в диалекте и в языковом сознании диалектоносителя (по материалам картотеки Словаря говоров русского Севера) //

Актуальные проблемы лингвистики: Материалы ежегодной региональной науч. конф. 5–6 февраля 1996 г., Екатеринбург, 1996. № 9. С. 51.

5. Мотивационные отношения в глагольной лексике говоров Русского Севера // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1998. Вып 2. С. 102–105.
6. Русское диалектное *памча, помтя, понча, пончия, понича* // Русская диалектная этимология: Тез. докл. Второго науч. совещания. 17–19 апреля 1996 г. Екатеринбург, 1996. с. 48.
7. Случаи лексической рсмотивации в говорах русского Севера // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998. С. 91–92.

Подписано в печать 15.02.2001. Формат 60х84 1/16

Бумага для множительных аппаратов

Усл.-печ. л. 1, 0. Заказ № Тираж 100.

Отпечатано на ризографе в ООО «Таймер КЦ».
Екатеринбург, Сибирский тракт, д. 3, комн. 301.